

ратовского университета. Как и вся страна в конце 1940-х гг. он испытал на себе и все «прелести» идеологических кампаний борьбы с «космополитизмом». По мнению областных советских и партийных властей, «Саратовский университет засорен бывшими денкинцами и меньшевиками, участниками антипартийных группировок и в прошлом репрессированными лицами» (т. 2, с. 23). Последнее из утверждений было правдой. Согласно приводимым в книге данным, в отдельные годы число подобных «проблемных» с точки зрения властей сотрудников доходило временами до половины штатного состава СГУ. В этом смысле удивительно, что университет сумел пережить это суровое время без серьезных потерь в плане увольнений или арестов своих сотрудников. И отнюдь не только из-за его удаленности от руководящих центров идеологических кампаний. В рецензируемом труде приводится целый ряд показательных примеров корпоративной сплоченности и человеческой солидарности университетских людей перед лицом самых нелепых обвинений.

К своему юбилею СГУ подошел, имея в своем составе 30 факультетов, 3 учебных института и 3 колледжа. Всего сегодня в СГУ им. Н.Г. Чернышевского обучается около 30 тыс. студентов и аспирантов. Признанием заслуг Саратовского университета и его вклада в развитие отечественной науки является включение его в 2010 г. в число научных исследовательских университетов России. Содержание

рецензируемого 2-томника свидетельствует о закономерности этого факта.

Многие из замечаний, которые можно было бы сделать авторам издания, диктуются его юбилейной формой. Так, хотелось бы просить более подробный анализ источниковой базы исследования, обзор архивных фондов, на которых оно велось, более развернутую характеристику существующей историографической традиции. С другой стороны, при наличии в работе научно-справочного аппарата, включающего сноски, именные указатели, хронологические таблицы, было бы полезным дать в конце исследования в отдельном разделе более развернутую библиографию. Это сделало бы книгу более востребованной среди студентов и специалистов. Тем не менее нельзя не признать, что на сегодняшний день рецензируемое издание является наиболее полным изложением исторического пути этого авторитетного российского вуза в существующей исторической литературе.

**Д.А. Гутнов, доктор исторических наук
(Музей истории Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова)**

Примечание

¹ Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 1935; Саратовский университет. 1909–1959. Саратов, 1959.

Я. Плампер. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. Авторизированный перевод с англ. Н. Эдельмана. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 496 с. (Серия «Очерки визуальности»)

Рецензируемую книгу по праву можно назвать долгожданной. Немецкий историк Ян Плампер (Институт восточноевропейской истории и страноведения Тюбингенского университета / Институт Макса Планка по исследованию образования, Берлин) еще в 2001 г. защитил в Калифорнийском университете (Беркли) диссертацию о культе Сталина в изобразительном искусстве. С тех пор вышло несколько его статей по отдельным сюжетам будущей книги. И вот книга наконец увидела свет. Причем в данном случае русскоязычной ученой публике особенно повезло. Благодаря оперативности и заинтересованности издательства «Новое литературное обозрение», авторизированный перевод книги опубликован раньше англоязычного оригинала в специально созданной несколько лет назад серии «Очерки визуальности».

Монография Я. Плампера, естественно, не является первой в ряду исследований визуальной культуры СССР. Специальное изучение визуальных образов эпохи Сталина уже имеет собственную традицию, главным образом, благодаря усилиям американских историков. Однако в те годы, когда Плампер начал работу над исследовательским проектом, на этом исследовательском поле были прочерчены лишь первые «бороздки». В конце 2002 или начале 2003 г. он рассказывал мне о веселом оживлении публики во время его доклада в Кембридже. Причиной недоуменного веселья было применение им серьезного искусствоведческого анализа в отношении сталинской живописи, воспринимавшейся аудиторией как довольно примитивный кич. Теперь ситуация иная, и книга Плампера дает еще один повод

для серьезного размышления о возможностях изучения истории с помощью визуальных источников.

Вот как определяет содержание работы сам автор: «Наша книга представляет собой историю тех практик, которые применялись при изображении Сталина. Мы войдем в мастерские к художникам, заглянем к ним через плечо, познакомимся с их партийными покровителями, с функционерами от культа, с цензорами и со многими другими, участвовавшими с созданием сталинского культа» (с. 6–7). Кстати, авторский стиль письма сразу же обращает на себя внимание. Книга написана ярко, с запоминающимися формулировками и нестандартными метафорами, в манере, встречающейся в англо-американской исторической литературе значительно чаще, чем в немецкой или русской. Нужно отдать должное переводчику, которому удалось сохранить авторскую стилистику.

Хронологические рамки исследования охватывают 1929–1953 гг. – «период активного существования культа Сталина при его жизни» (с. 7), географические границы – территорию РСФСР. Среди визуальных объектов автора интересуют прежде всего портреты Сталина, выполненные маслом на холсте, хотя в своем анализе он обращается и к кино, и к фольклору, и к поэзии. Такое самоограничение представляется вполне оправданным: до второй половины 1930-х гг. живопись маслом и фотография находились на вершине иерархии видов искусств, соревновавшихся за статус главных в воспроизводстве культа Сталина, после чего они были потеснены кино.

Трудноуловимый предмет исследования потребовал от автора серьезных усилий по выявлению круга источников и большой изощренности в деле их интерпретации. Главная трудность состояла в том, что культ личности в СССР официально осуждался на протяжении большей части истории страны, и его производство, в отличие от фашистской Италии или нацистской Германии, никогда целенаправленно не документировалось. «В результате, пытаясь реконструировать тайную историю культа, исследователь вынужден копаться в источниках в поисках того объекта, который официально не существовал – и не мог существовать... Несовместимость культа Сталина с советской идеологией вынуждает историка брать на себя работу детектива, обследуя чрезвычайно широкий диапазон порой совершенно невероятных источников, относящихся ко всем глянцам советской действительности» (с. 14, 15).

Может ли современный человек найти достаточные аргументы, чтобы окончательно

и бесповоротно избавиться от недоумений по поводу того, что женщина падает в обморок при виде Сталина, неожиданно заходящего в ее квартиру, а взрослые мужчины-фронтовики могут позволить себе критические высказывания в адрес «вождя» только после того, как развернут его портрет изображением к стене? Уверенность в невозможности дойти до последних глубин в изучении интересующей автора материи определила еще одну особенность текста: Плампер признает возможность альтернативных интерпретаций. Во введении объясняется и название книги: «Если алхимия – это ”попытка превратить неблагородные металлы в золото”, то и алхимия власти – это процесс превращения, в результате которого на свет явился Сталин, многократно превосходящий величием свой реальный прообраз и, по сути, нисколько на него не похожий» (с. 17).

Книгу отличает сложная, но стройная структура. Монография включает 2 части – «Продукция культа» и «Производство культа». Плампер подчеркивает искусственность такого разделения: «Проведенная мной граница между продукцией культа и его производством носит исключительно воображаемый характер и не выдержит строгой аналитической проверки – это лишь прием, используемый для структурирования текста книги» (с. 15). Каждая из частей разделяется на главы, которые, в свою очередь, состоят из более мелких единиц – параграфов.

Двум основным частям предшествует глава об истоках сталинского культа. Историю современных культов личности автор начинает с культа Наполеона III, выделяя 5 признаков этого явления: «секуляризм и опору на народный суверенитет; патрицентризм; направленность на массы; использование СМИ и едиобразных, массово производимых артефактов культа; распространение только в закрытых обществах» (с. 24). Плампер последовательно отстаивает тезис, согласно которому «к культу Сталина вело сложное переплетение исторических путей. Серьезными вехами в ходе этого процесса служили сакрализация человеческой личности как итог Просвещения и Французской революции, современные культы личности за пределами России и традиция царского культа. Еще один важный этап его формирования представляли собой подпольные кружки, ставшие школой революции для многих молодых большевиков и, как правило, строившиеся вокруг фигуры вождя» (с. 19–20). Понимая явную недостаточность каждого из объяснений, автор, тем не менее уверен, что «при совместном рассмотрении они дают свежий ответ на вопрос о том, как мог возникнуть культ Сталина, почему оказалась возможной алхимия

сталинской власти» (с. 52). Культ Сталина в этой главе рассматривается, таким образом, не изолированно, как некий сугобо российский феномен, а в широком временном и пространственном контексте, в том числе в сопоставлении с одновременно существовавшими культурами, которые поддерживали и подстегивали друг друга (например, спокойствие языка тела Сталина в качестве противопоставления истеричности Гитлера или трубка Сталина как антипод буржуазной сигары Черчилля).

Первая глава подкупает широкой эрудицией автора, за которой скрываются годы неспешной вдумчивой работы. Сомнительным представляется лишь замечание о том, что культы российских царей приобретают популярность лишь после Александра II. Оговорка «а то и более ранние» не исправляет положения. Между тем известна популярность в российской крестьянской среде образа «царя-освободителя», дешевые гравюрные оттиски с изображением которого печатались большими тиражами.

Первая часть книги – о продукции культа – состоит из 2 глав, посвященных образу Сталина во времени и пространстве. Здесь тщательно анализируются репрезентации «вождя» в главной газете страны – «Правде» – за 1929–1953 гг. (дополнительный материал читатель найдет в приложении «Статистика визуальных репрезентаций Сталина в "Правде"»). Сначала Плампер прибегает к диахроническому анализу, прослеживая формирование канона, особенности иконографии, способы выделения Сталина из группы на коллективных изображениях, изменения образа во времени, динамику частоты изображений (в том числе исчезновение его визуальных репрезентаций в 1937 г. и с 22 июня до осени 1943 г., возможно, чтобы не связывать с его образом Большой террор и военные поражения). Затем диахронический подход сменяется синхронистическим рассмотрением циклических, ритуализированных черт репрезентаций Сталина на материалах «Правды» 1947 г. – одного из самых бесцветных лет в истории газеты. При этом выясняется группирование репрезентаций «вождя» вокруг праздничных дат советского календаря. В «пространственной» главе автор анализирует зримые образы Сталина в широком контексте метафор в фольклоре и художественной риторике, подробно анализирует картину А. Герасимова «Сталин и Ворошилов в Кремле» (1938) в контексте иных изображений «отца народов», выявляет их константную концентрическую структуру.

В этой части книги Плампер приходит к ряду важных выводов. В том числе, исследуя сюжет о контроле Сталина над «Правдой», он

резюмирует: «В сущности, Сталин и его секретариат выполняли роль финального фильтра для информации, попадавшей в главную газету страны» (с. 62). Выявляя важную тенденцию к появлению посвященных Сталину изображений, на которых он незримо присутствует (отражаясь в одушевлении людей, слушающих его голос или только что его видевших), автор справедливо констатирует, что «отсутствие Сталина было таким отсутствием, которое подразумевало присутствие – “духовное присутствие”», в качестве аллюзии или метафоры. Иными словами, отсутствуя, Сталин присутствовал в большей степени, чем когда-либо» (с. 96). Плампер убедительно показывает, что, вопреки расхожему впечатлению, репрезентации Сталина «отнюдь не встречаются каждый день и на каждой странице» (с. 134).

Основные авторские положения первой части монографии и аргументы в их защиту не встречают возражений, за исключением пары мелочей. Так, автор допускает досадную неточность, утверждая, что уже в 1940-х гг. чествование Дня победы 9 мая уверенно шло к статусу главного советского праздника (с. 109, 118). Между тем известно, что День победы в качестве важного праздника был заново открыт почти с 20-летним опозданием, в 1965 г.

Вторая часть монографии состоит из 3 глав. Первая из них – «Персонализация политики, политизация искусства: Сталин, его культ и покровительство искусству» – начинается важным сюжетом о «сталинской скромности», демонстрирующим сложности, которые ожидают историка сталинизма. Проблема состоит в том, что сам Сталин был виртуозным архивистом, тщательно формировавшим для будущих историков документальные основания собственного образа. «При более подробном анализе становится ясно: культ Сталина создавался по его желанию, а маска скромности использовалась для того, чтобы преодолеть противоречие между культом личности и государством, претендовавшим на воплощение в жизнь коллективистской идеологии – марксизма. Эта притворная скромность и служила основой для модели “нескромной скромности”» (с. 190). Плампер видит причины «сталинской скромности» не только в марксизме, но и в давней традиции левой интеллигенции, создававшей собственные сакрально-аскетические образы мученичества и подвижничества, а также в желании контролировать масштабы культа, поскольку «ограниченный характер присутствия усиливает его ценность» (с. 191). Автор прослеживает процесс централизации в производстве культа Сталина, завершившийся еще в первой половине 1930-х гг. лишением каких-либо организаций права санкциониро-

вать создание и распространение изображений Сталина. Помимо одобрения или запрета после проверки в секретариате Сталина в главе анализируются иные способы неформального влияния на производство культа – визиты руководителей в мастерские художников, слухи о заявлениях, якобы сделанные Сталиным на выставках, другому вождю или художнику в мастерской. В этой связи анализируется также роль «Перикла» советских художников К.Е. Ворошилова в формировании патронажно-клиентских отношениях с ними.

В главе «Как рисовать вождя? Институты по производству культа, социалистический реализм и проблемы канона» Плампер наглядно показывает, что «в производстве сталинского культа в визуальной сфере, как и в прочих, было задействовано поразительно много институтов» (с. 265). Запутанная ситуация с их компетенцией и иерархией создавала серьезные проблемы для художников, требуя от них немалой ловкости. Нужно отметить, что проблемы, рассматриваемые в этой главе, уже являлись объектом специального изучения. Работа Я. Плампера по исследованию институтов, участвовавших в производстве культа, на мой взгляд, была бы значительно облегчена, если бы ему удалось своевременно познакомиться, например, с оригинальной монографией Г.А. Янковской «Искусство, деньги и политика: Художник в годы позднего сталинизма» (Пермь, 2007).

В последней главе – «Книги отзывов: восприятие как шоу» – автор исследует наиболее сложную в визуальной истории проблему рецепции и приходит к выводу, что «в области культуры аудитория становилась и мишенью, на которую была нацелена культурная продукция, и активным участником в процессе ее создания» (с. 319). Книга отзывов, которая первоначально служила школой обучения зрителей как «говорить по-большевистски» (С. Коткин) и рабочим инструментом для изучения зрительских реакций, в годы сформировавшегося

культа Сталина превратилась в разновидность «кодифицированных панегирических репрезентаций власти» (с. 322).

Подводя итоги, Плампер вновь возвращается к теме иррационального в алхимии власти и тех границ познания, на которые наталкивается исследователь сталинизма, как, впрочем, и любого иного культа: «Ключ к алхимическому процессу – предположение, гласящее, что конечный результат является чем-то большим, нежели сумма составных частей. Иными словами, налицо прибавка. Величие Сталина, грандиозность его фигуры и составляет подобную прибавку. И все же она носила иную природу. В конечном счете мы имеем дело с прибавкой непознаваемого. Она также неотделима от алхимии власти; это та прибавка, которая всегда остается за пределами постижения, сколько бы ни было написано книг на эту тему» (с. 350).

Е.Ю. Зубкова очень верно оценила труд Яна Плампера: «Эта книга не потеряется в потоке “сталинианы”, потому что она – особенная» (с. 4). Действительно, его работа, основанная на свежей постановке вопросов, непривычных источниках и оригинальной интерпретации, наглядно убеждает в том, что сталинизм не является для историка исчерпанной темой, в которой пора ставить жирную точку. В более широком контексте визуальной истории исследование Плампера подросло как нельзя более вовремя. «Визуальный поворот» с некоторым опозданием настиг в последние годы и Россию, и очень хорошо, что именно сейчас, когда история визуальности у нас только встает на ноги и пока еще вызывает у многих коллег недоуменное пожимание плечами, появилась книга о визуальной культуре сталинизма, являющаяся результатом не сиюминутной моды, а долгих поисков, неторопливых размышлений и до конца продуманных мыслей.

И.В. Нарский,
доктор исторических наук
(Челябинский государственный
университет)

«Государственность России» – фундаментальный словарь-справочник по истории российских институтов

Изучение истории российской государственности невозможно без знания функций государственных учреждений, организаций и предприятий, административно-территориального деления страны в разные периоды ее развития и системы должностей, чинов, званий и прочих атрибутов лиц, осуществлявших государственное управление, наконец, документационного обеспечения функционирова-

ния государственных органов и в целом всех существенных сторон государственной жизни. В связи с этим ведущее научно-исследовательское учреждение отечественной архивной отрасли – Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) – взяло на себя организацию и наибольшую часть непосредственной работы по подготовке энциклопедического из-